

Все одичалые, кто хотел уйти, собрались на берегу и погрузились в лодки. Их было больше, чем можно было сосчитать, выстроившихся в очередь, чтобы сесть в лодку, и как только одна из них прибывала, она так же быстро исчезала. Перспектива спасения показалась некоторым слишком сладкой - возможность покинуть холодный север. Те, кто отказывался, были просто слишком горды.

Те, кто решил остаться, бродили по своим домам или рассеивались за стенами Хардхоума. Они с отвращением наблюдали за тем, как их друзья выбирают легкий путь.

Джон стоит рядом с Тормундом и наблюдает за тем, как одичалые выстраиваются в очередь, чтобы уйти. Они оба испытывают чувство выполненного долга, хотя глаза Джона обшаривают толпу впереди него - многие из них, конечно, но не все. Он спрашивает Тормунда: «Сколько их идет? Шесть тысяч?»

Тормунд поднял ребенка на руки матери в одной из лодок и сказал: «Я не умею считать».

«Сколько?» повторил Джон.

«Я не знаю», - пробормотал Тормунд. «Что-то вроде этого... Остальные придут в себя, еда у них кончается, эти земли не плодородны, и охотиться не на что».

«Мы слишком многих оставляем позади», - вздохнул Джон.

«Свободный народ слишком горд, ты же знаешь, они не любят преклонять колени. Мансу потребовалось двадцать лет, чтобы собрать этих ублюдков вместе», - сказал ему Тормунд.

После этого все стало хорошо, корабли все прибывали и прибывали. Станнис стоял рядом с Давосом, прямо перед Джоном, и они отмечали, что эти цифры могут дать армии толчок, необходимый для победы над Болтонами. Они даже похвалили Джона за те чувства, которые привели их сюда. Теперь Станнис начал понимать, как сильно он ценил то, что Джон был с ним. Без него он никогда бы не смог защитить одичалых.

И вдруг собаки залаяли, а земля задрожала. За деревянными воротами поселения что-то происходит. Люди сотнями вливаются внутрь извне, их что-то гонит. Звук настолько громкий, что все взгляды обращены в ту сторону. Джон нутром чувствует, что точно знает, что происходит. Взгляд на Тормунда подтверждает это. Толпа одичалых растет, людей сталкивают в воду. Некоторые даже начинают плыть к лодкам в безумной спешке.

Станнис оглядывается на Джона и спрашивает: «Что происходит?».

В ответ на это Джон протягивает Лонгклаву руку: «Ваша милость, садитесь на следующую лодку, вам пора».

«Джон, что случилось?» спросил Давос, волнуясь.

«Мертвые уже здесь», - ответил за Джона Тормунд.

Кивнув, Джон прошел мимо них: «Я должен вернуться за драконьим стеклом. Оно нам нужно».

Впереди них одичалые начали закрывать ворота. Крики тех, кто оказался за ними, вскоре донеслись до берега. Что-то снаружи начало разрывать их на части, и те, кто был рядом с воротами, увидели летящую кровь. Все, что они могли видеть, - это ноги тех, кто находился снаружи, которые двигались и перемещались. Сила была настолько велика, что ворота вытолкнули тех, кто находился внутри.

Приближалась сильная буря, нависшая над горами, и вокруг них начал падать снег. Ветер усилился, превратившись в небольшую метель.

А потом все бои у ворот исчезли, все ноги внизу исчезли. Вождь Тхенн подошел к воротам, но, заглянув сквозь деревянные решетки створок, ничего не увидел. Только бушующую метель. Но лишь на мгновение, потому что в следующее мгновение перед ним в лес погрузилась нежить. Затем сотни появились прямо за ним.

На берегу царило сумасшествие: одичалые дрались за места на лодках. Знаменосцы Баратеона пытались удержать их в узде, но одичалые отбивались, и возникали небольшие потасовки. Большинство из тех, кому удалось прорваться, предпочли остаться в ледяной воде, чем встретиться лицом к лицу с тем, что придет через ворота.

Тормунд схватил Джона за плечо и указал на ворота: «Если они пройдут... мы все умрем».

Джон кивнул одичалому, затем посмотрел на своего короля: «Ваша милость, вы должны идти».

Станнис покачал головой и выхватил меч: «Нет, я не буду трусить».

«Ваша милость...» начал Джон.

Давос прервал его: «Лучше не спорить, Джон». Он слабо улыбнулся, несмотря на обстоятельства.

Вместо этого Джон сказал: «Нам нужно защищать отступление». Он указал на ворота: «Мы должны задержать их как можно дольше. Они придут оттуда».

Непоколебимый, как всегда, Станнис повернулся к своим знаменосцам и крикнул: «Знаменосцы! Со мной!» Он ринулся сквозь толпы одичалых к воротам. Джон, опираясь на Длинный Коготь, последовал за своим новым королем, Тормунд - следом.

Они устремились к воротам, которые теперь были пробиты. Неживые пехотинцы переползают через верх, проникают под низ и прорываются сквозь дыру в дереве. Одиочалые тщетно пытаются остановить их.

Станнис и его люди прибывают к разрушенной стене в тот момент, когда мертвецы начинают прорываться внутрь. Они пробираются сквозь щели в бревнах. На неподготовленных одиочалых напали, их крики затерялись в грохоте вопящей нежити. Десятки нежити устремились вперед, быстро сражаясь с защитниками и прибывающим подкреплением. Многие из тех, кто сражался с нежитью, были завалены и перебиты.

Нежить двигалась нечеловечески, ее конечности размахивали. Их кожа была коричневой и гниющей, а глаза - голубыми, как лед. Большинство из них держали в руках ржавые мечи и топоры.

Это было зрелище, подобного которому Станнис никогда не видел. Буквально мертвецы, ходячие трупы, бежали прямо на него с намерением разрубить его на куски. Более слабый человек должен был бы зажмуриться от страха, но он этого не сделал.

Джон крикнул сквозь ветер и снег: «Стоять на месте!» До его ушей донеслось рычание, когда он крутанулся на месте и парировал удар полусгнившего рыцаря. Валирийская сталь столкнулась с ржавой бронзой, и он отмахнулся от удара, прежде чем лорд Винтерфелла вогнал его себе в грудь. Рядом с ним Тормунд бросился в бой, размахивая мечом, как безумный, и разрубая каждую нежить на своем пути.

Выхватив меч, Станнис бросился в бой, удивив всех одиочалых, которые обратили на него внимание: южный король сражался на фронте, - и обезглавил волка. Он продолжал наступать, цепляясь когтями за его колени, пока удар не раздробил ему голову. «Голову!» - крикнул он. «Бей по голове!» Задыхаясь от злости на свежие порезы на голених, он с криком бросился на еще двоих.

Яростно стреляя, Карси задним умом понимала, что лучников не хватит, чтобы сдержать их. Но тут, словно чудо, появилась дюжина арбалетчиков Баратеона. «Морозные Клыки!» - крикнула она группе воинов. «Защитите южан! Вы там! Стреляйте во все, что просовывает голову сквозь стену или через нее!» Если арбалетки и были раздражены приказом одиочалой, то никак этого не показали, повинаясь. Меткие стальные болты сбивали рыцарей с ног десятками, а лучники вольного племени теперь могли отстреливаться от тех, кто уже пробился сквозь стену.

Группа рыцарей набросилась на Тормунда, он свалил одного, но остальные повалили его на землю. Рыцари впились когтями в его шею. Тормунд освободил свой меч и вонзил его в грудь рыцаря, который пытался откусить ему нос. Затем он использовал клинок, чтобы защититься от трех других нежитей, которые наседали на него. Одной рукой он сжимал рукоять, а другой держал конец клинка, пальцы находились в опасной близости от скрежещущих зубов нежити. Его еще глубже вдавило в грязь, и грязь просочилась в волосы и на лицо.

Рыцарь замахнулся на него зазубренным коротким мечом. Тормунд поднял клинок, чтобы отразить удар, и ему это удалось: меч рыцаря отскочил от руки Тормунда после столкновения. Два пальца были полностью отрублены, и он закричал от боли, глядя, как они падают с его руки. Кровь хлынула ему на грудь.

Тот же самый колдун, что отнял у него пальцы, мог бы лишить его жизни: неживое чудовище взревело, чтобы снова наброситься на Тормунда, но его срубил некий черноволосый человек.

Джон разобрался со всеми окружавшими одичалого колдунами, а затем сказал: «Вставай, Тормунд, их еще много».

Все еще оплакивая потерю половины указательного и среднего пальцев на левой руке, Тормунд встал, сжимая меч неповрежденной правой рукой. Он мог бы поблагодарить Джона за то, что тот спас ему жизнь, если бы не еще четыре нежити, бегущие прямо на них. Он наблюдал за тем, как Джон с головой окунулся в схватку, неустрашимо размахивая длинным когтем. Он рубил скелет за скелетом, стараясь, чтобы они слышали его рев на протяжении всего пути. Накачанный адреналином, Тормунд присоединился к схватке.

Неподалеку Станнис сражался как дикая кошка, пронзая мечом тело за телом. Увидев, что через пролом в лесу просачивается несметное количество фантомов, он крикнул: «На пяточок! Не видя желающих остановить их, он напал сам. Он обезглавил одного рыцаря, зарубил другого и использовал его, чтобы блокировать дальнейшее проникновение. «Черт!» кричал Станнис, напрягая мышцы, чтобы сдерживать прилив... пока наконец не подоспели полдюжины одичалых с большой каменной плитой, чтобы окончательно заблокировать проход.